

©2020 А.А. КАРА-МУРЗА

ПОЭТ-ФИЛОСОФ ИВАН ОРЕУС-КОНЕВСКОЙ — КУЛЬТОВАЯ ФИГУРА «РУССКОГО СЕВЕРЯНСТВА» СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Кара-Мурза Алексей Алексеевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии российской истории. Институт философии РАН.
Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
Электронная почта: a-kara-murza@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется философско-литературная традиция «русского северянства», идущая в России от Державина, Вяземского, Пушкина. Ее ключевой фигурой на рубеже XIX–XX веков стал молодой русский поэт шведского происхождения Иван Коневской (1877–1901; настоящая фамилия — И.И. Ореус). Автор исследует формирование в России Серебряного века настоящего «культа Коневского» (трагически погибшего в Зегевольде/Сигулде в июле 1901 года), в создании которого большую роль сыграл родной дед автора статьи — художественный критик и мемуарист С.Г. Кара-Мурза (1878–1956). Прямыми литературными наследниками И. Коневского, по мнению автора статьи, являются А.А. Блок и В.Я. Брюсов. Огромную роль сыграл поэт Коневской в судьбе О.Э. Мандельштама, который жил в 1906 году в Зегевольде, неоднократно посещал его могилу и создал целый ряд поэтических и мемуарных сочинений, в которых явно просматривается «след Коневского». Под большим творческим влиянием Ивана Коневского находился и Б.Л. Пастернак, особенно в период написания им своего первого поэтического сборника «Близнец в тучах» (1914). Автор статьи высказывает гипотезу, что знаменитое стихотворение молодого А.А. Вознесенского

Ключевые слова: И.И. Ореус-Коневской, В.Я. Брюсов, С.Г. Кара-Мурза, А.А. Блок, О.Э. Мандельштам, Б.Л. Пастернак, А.А. Вознесенский, поэзия, философия, «русское северянство», Серебряный век.

Ссылка для цитирования: Кара-Мурза А.А. Поэт-философ Иван Ореус-Коневской — культовая фигура «русского северянства» Серебряного века // Человек. 2020. Т. 31, № 3. С. 155–172. DOI: 10.31857/S023620070010040-1.

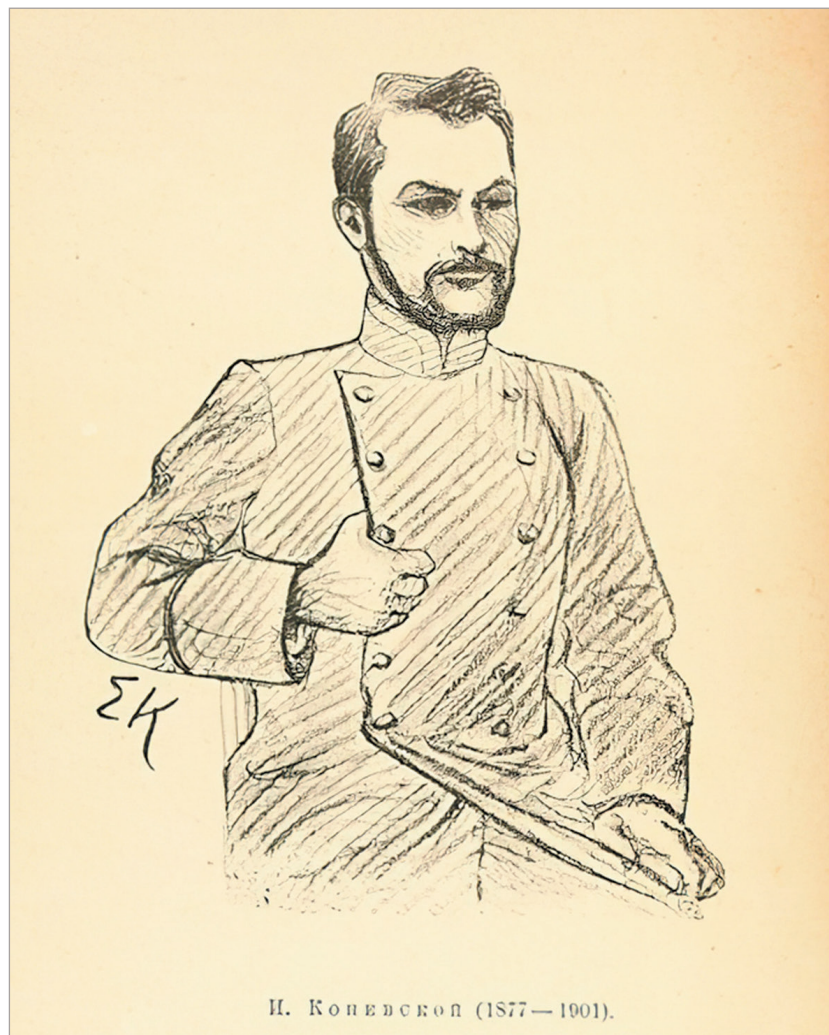
Свисая с вагонной площадки,
прощайте,
Прощай, мое лето,
пора мне...

Андрей Вознесенский.
Осень в Сигулде

8 июля 1901 года в лифляндском городке Зегевольд (ныне латвийская Сигулда) трагически погиб 23-летний русский поэт Иван Иванович Ореус (литературный псевдоним «Ив. Коневской»). «Он сыграл у нас ту же роль, что Рембо в конце 60-х годов во Франции», — написал об Ореусе-Коневском литературовед-эмигрант Е.В. Аничков [1, с. 10]. Ему вторит современный знаток творчества Коневского Е.И. Нечепорук: «Поэтическую культуру русского символизма невозможно постичь без И. Коневского, как французскую — без Ш. Бодлера, английскую — У.Б. Йейтса, немецкую — С. Георге, австрийскую — Г. фон Гофмансталя» [17, с. 3].

Действительно, имя Ореуса-Коневского, его завораживающая поэзия, обстоятельства гибели, наконец, его романтическая могила на крутом берегу речки Аа (Гауя) — стали поистине культовыми феноменами русского Серебряного века, оказали влияние на Валерия Брюсова, Александра Блока, Юргиса Балтрушайтиса, Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака. Так случилось, что в создании «культа Коневского» заметную роль довелось сыграть моему родному деду (по отцу), Сергею Георгиевичу Кара-Мурзе (1878–1956) — выпускнику юридического факультета Московского Императорского университета, литературному и художественному критику и мемуаристу. Однако обо всем по порядку...

Иван Иванович Ореус-младший родился 19 сентября 1877 года в Санкт-Петербурге в обрусевшей шведской семье. Его прадед — Максим Ореус, сын лютеранского пастора, был Выборгским, а затем Финляндским губернатором; дед, Иван Максимович — директором Государственного заемного банка и действительным тайным советником. Отец Коневского, Иван Иванович Ореус, окончил

И.И. Коневской. Рисунок Е.С. Кругликовой

школу гвардейских подпрапорщиков, затем Николаевскую академию Генерального штаба. В 1863 году был назначен начальником Военно-исторического архива Генштаба и оставался в этой должности более сорока лет, дослужившись до чина генерала от инфантерии (второй класс Табели о рангах, соответствующий действительному тайному советнику). Мать Коневского, Елизавета Ивановна, урожденная Аничкова, умершая в 1891 году, также происходила из дворянской семьи потомственных военных.

В 1896 году Иван Ореус-младший блестяще окончил элитную 1-ую Петербургскую гимназию, а в 1901-м — историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (славяно-русское отделение, куда он перешел с классического).

А.А. Кара-Мурза
Поэт-философ
Иван Ореус-Конев-
ской — культовая
фигура «русского
северянства»
Серебряного века

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА

Его университетскими наставниками были выдающиеся профессора: С.Ф. Платонов (русская история), Н.И. Кареев (средневековая и новая история), А.И. Введенский (история древней философии, логика, психология), С.К. Булич (сравнительное языкознание), В.К. Эрнштедт (Аристофан, Платон, Аристотель), Ф.А. Браун (история западноевропейских литератур).

Ореус-младший был юношей энциклопедического склада, свободно владел немецким, французским, английским языками, профессионально занимался переводами — из Гёте, Ибсена, Суинберна, Верхарна, Метерлинка. Его однокашник по университету, С.К. Маковский, известный художественный критик и редактор «Аполлона», вспоминал: «Товарищ он был на редкость обаятельный. Правдив, отзывчив, добр, деликатен... Среди студентов за ним установилась репутация необычайно одаренного чудака. Какой-то уж очень особенный. И образован неправдоподобно, и застенчив до обморочной растерянности, и дерзостно смел в самоутверждении...» [14, с. 410–412].

По словам людей, близко знавших его, Ореус-Коневской гордился своими шведскими, «варяжскими» предками, тем, что его род (в полном соответствии с «северянской» концепцией происхождения русской государственности Н.М. Карамзина) восходит к Синеусу — князю древнерусского города Белоозеро, брату легендарного Рюрика.

В соответствии с европейской традицией, для Ореуса-Коневского, как и для многих литераторов Серебряного века, еще со студенческих времен стали неперенной частью жизни «путешествия/странствия» — в основном, по русскому Северу (Финляндии, Прибалтике, озерному краю), но и по Европе тоже. В июне-июле 1897 года он прошел пешком Австрию и Германию, а следующим летом, прибыв пароходом в Любек, добрался до Кельна, проплыл вверх по Рейну, обошел Швейцарию и Северную Италию. Юный литератор-философ хорошо понимал, что, путешествуя по Германии, тем более — по Италии, он воспринимает этот «Юг», как «северянин». И, возвращаясь домой, всегда отдавал себе отчет в принципиальной разнице двух миров:

Пел на юге весь мир я окрестный,
Здесь я снова в себе буду рыться.
Безотрадный ты, край, бессловесный!
Никуда от тебя не укрыться!

Как в былые века Прозерпина
Свет могла созерцать лишь полгода,
Так болот горемычного сына
Лишь недолго ласкала природа.

Чую – вновь меня мгла поглощает,
Стих мой тоже стал вял и беззвучен,
Втихомолку и сердце сучает,
И уж солнце любить я разучен.

(запись в блокноте: «21 июля 1897.
За Кенигсбергом, на дороге к русской границе») [12, с. 187].

Начиная с 1897 года, поэт Иван Ореус начал подписываться псевдонимом «Ив. Коневской»: строгий отец-генерал запретил сыну-литератору использовать родовую фамилию. «Коневской» — от островного Коневецкого монастыря на Ладожском озере, который Ореус-младший посетил во время одного из «северных странствий». Одно время он обдумывал альтернативу — и тоже «северянскую»: назваться «Иван Езерский», по имени героя неоконченной поэмы Пушкина, так же, как и Ореусы, происходившего «от варягов». Вспомним: «Начнем *ab ovo*: мой Езерский // Происходил от тех вождей, // Чей дух воинственный и зверский // Был древле ужасом морей. // Одульф, его начальник рода, // Вельми бе грозен воевода...» [22, с. 97].

В своем программном стихотворении «С Коневца» (весна, 1898) Ореус-младший (теперь уже «Коневской») открыто продекларировал свою идентичность — предельно патриотическое русское северянство:

Я — варяг из-за синего моря,
Но усвоил протяжный язык,
Что, степному раздолию вторя,
Разметавшейся негой велик.
.....
И в луче я все солнце постигну,
А в просветах берез — неба зрак.
На уступе устой свой воздвигну,
Я, из-за моря хмурый варяг [12, с. 58].

На рубеже 1899–1900 годов поэт Коневской публично предстал перед читателем: почти одновременно увидели свет его собрание «Мечты и думы» (изданное тиражом 400 экз.) и коллективный сборник «Книга раздумий» со стихотворными подборками К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Дурнова и Ив. Коневского. А в 1900 году Коневской принял участие в подготовке задуманного Брюсовым альманаха «Северные цветы» (возрождающего северянские литературные традиции одноименных альманахов Дельвига и Пушкина) и опубликовал в первом выпуске принципиальное стихотворение «Осенние голоса»:

Я на башни немые взирал,
Я внимал грохотанью лавин

А.А. Кара-Мурза
Поэт-философ
Иван Ореус-Коневской — культовая
фигура «русского
северянства»
Серебряного века

Обстоятельства гибели Ореуса-Коневского во время его очередного путешествия в июле 1901 года установил его родственник Дьяконов, отправившийся на поиски пропавшего в Лифляндии Ивана по следам его вероятного маршрута. В биографическом очерке к посмертному сборнику произведений Коневского, написанном отцом поэта, И.И. Ореусом-старшим, говорится: «Коневской скончался 8 июля 1901 года, 23 лет от роду, едва кончив курс университета. Как и в предыдущие года, в этом году Коневской поехал в небольшое летнее путешествие (“странствие”, как говорил он), на этот раз по Прибалтийским губерниям. Выехав из Риги, он вспомнил вдруг, что забыл в гостинице паспорт, и сошел на станции Зегевольд, чтобы дожидаться встречного поезда и вернуться. День был жаркий. Около станции протекает река Аа. Коневской стал купаться... и утонул» [18, с. 453].

Останки Коневского были вторично преданы земле уже по православному обряду. Поскольку русского кладбища в Зегевольде не было, то, как было отмечено в биографическом очерке к посмертному сборнику, «тело Коневского было положено в лесу, прекрасно содержимом. (...) Коневской любил лес, любил ветер; лесу и ветру посвящено у него немало душевных стихов. И его хоронили в лесу и, при чудной, ясной погоде, бушевал сильный ветер. Скромная могила осенена кленом, вязом и березой» [18, с. 453].

Первую обстоятельную рецензию на посмертное собрание сочинений И.И. Ореуса-Коневского, изданного в 1904 году символистским издательством «Скорпион» по инициативе Валерия Брюсова [13], написал молодой художественный критик Сергей Георгиевич Кара-Мурза. В № 6 популярного московского журнала «для семейного чтения» дед опубликовал (под псевдонимом «С. Крымский») статью «Неизвестный поэт». В ней он писал: «Вчитываясь теперь в ... то болезненно-лихорадочные, то восторженно-ликующие и беззаботно воркующие о мировой, пантеистической жизнерадостности стихи, нельзя без горечи безвременной утраты не признаться в том, что в лице погибшего поэта мы потеряли необыкновенно тонкий, оригинальный, я бы сказал — благоуханный талант» [10, с. 10].

А.А. Кара-Мурза
Поэт-философ
Иван Ореус-Конев-
ской — культовая
фигура «русского
северянства»
Серебряного века

Сергей Георгиевич Кара-Мурза

«Коневской, — продолжает С. Крымский, — по своим творческим настроениям и по своим теоретическим воззрениям на искусство, несомненно, примыкает к группе наших молодых поэтов,

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА

Лифляндская Швейцария. Зегевольд. Почтовая карточка начала XX века

Руины замка Зегевольд в Лифляндской Швейцарии. Почтовая карточка начала XX века

во главе которых идут гг. Бальмонт и Брюсов. Но ни у одного из них я не встречал такого непосредственного, такого первобытно-девственного, чисто овидиевского проникновения в жизнь природы, каким отмечены все произведения Коневского... Более цельного, экстатического отношения к природе я не запомню в нашей молодой поэзии» [10, с. 10–11].

В начале 1906 года о Коневском как о лидере «русского северянства» [7; 8; 9] проникновенно написал его идейный и поэтический наследник Александр Блок, который посчитал Ореуса-Коневского «ключевой фигурой» для того этапа русской поэзии, когда она

Руины замка в лесу. Современное фото

А.А. Кара-Мурза
Поэт-философ
Иван Ореус-Конев-
ской — культовая
фигура «русского
северянства»
Серебряного века

от «собственно декадентства» начала переходить к символизму. «Одним из признаков этого перехода, — согласно Блоку, — было совсем особенное, углубленное и отдаленное чувство связи со своей страной и своей природой». «Как будто впервые добыватель руды ощутил на своей лопате родную глину, родные пески и, подняв голову, заметил, в какой стране он работает, куда он опять возвратился, уйдя, казалось — безвозвратно, в глубь собственной души. Иван Коневской именно “на миг и тем — на век” вдохнул в себя запах родной глины и загляделся на “размеры дальних расстояний”. Он полюбил “несокрушимой” любовью родные, кривые проселки в чахлах кустиках, ломаные линии горизонтов, голубую дымку дали; он понял каким-то животнo-детским, удивленным и хмельным чутьем, что это и есть — Россия... Финская Русь была воспринята им сильно, уверенно — во всей ее туманности, хляби, серой слякоти и страшной двойственности» [2, с. 149].

В первые годы после трагической гибели Коневского его могилу, по крайней мере, на годовщины, старался посещать его престарелый отец — обычно, в сопровождении петербургских гимназических или университетских друзей сына. Однако в 1909 году Ореус-старший скончался, и лифляндская могила литераторами обеих столиц на некоторое время была забыта.

Впрочем, летом 1906 года могилу Коневского неоднократно посещал живший в Зегевольде с родителями и двумя младшими братьями 15-летний Осип Мандельштам. Его «свел» с Коневским (заочно, конечно) близкий знакомый покойного поэта Владимир (Вольдемар) Гиппиус, преподававший юному Мандельштаму русскую словесность в Тенишевском училище. Характерный портрет Гиппиуса («формовщика душ») в «Шуме времени» Мандельштама принадлежит к лучшим образцам «северянской

■■■■■■■■■■
**ОБРАЗЫ
 ЧЕЛОВЕКА**
 ■■■■■■■■■■

прозы» XX столетия: «У него (В.В. Гиппиуса. — А.К.) было звериное отношение к литературе, как к единственному источнику животного тепла. Он грелся о литературу, терся о нее шерстью, рыжей щетиной волос и небритых щек. Он был Ромулом, ненавидящим свою волчицу, и, ненавидя, учил других любить ее» [16, с. 26]. И далее: «Власть оценок В.В. длится надо мной и посейчас. Большое, с ним совершенное, путешествие по патриархату русской литературы от “Новикова с Радищевым” до *Коневца раннего символизма* (курсив мой. — А.К.) так и осталось единственным» [16, с. 27].

Образ лесного, «тенистого» кладбища в Зегевольде, на котором был похоронен Иван Коневской, появляется уже в стихотворении Мандельштама «Среди лесов унылых и заброшенных...» (1906), открывающем первый том его собрания сочинений. Это стихотворение было написано юным Мандельштамом под впечатлением от революционных событий 1905–1906 годов в прибалтийских губерниях: их активным участником был отправленный за это в кандалах на иркутскую каторгу мой второй дед (по матери) латышский социал-демократ Вольдемар Янисович Бисениекс (1884–1938).

Читаем у 15-летнего Мандельштама, увлеченного в Зегевольде радикальными идеями:

Среди лесов, унылых и заброшенных,
 Пусть остается хлеб в полях нескошенным!
 Мы ждем гостей незваных и непрошенных,
 Мы ждем гостей!

.....

Они растопчут нивы золотистые,
 Они разроют кладбище тенистое (sic! — А.К.),
 Потом развяжет их уста нечистые
 Кровавый хмель! [15, I, с. 31]

Связь этого стихотворения с образом погибшего в Зегевольде Коневского подтверждают и слова из мемуарной книги Мандельштама «Шум времени»: «В тот год, в Зегевольде, на курляндской реке Аа стояла ясная осень с паутинкой на ячменных полях. Только что пожгли баронов, и жестокая тишина после усмиренья поднималась от спаленных кирпичных служб <...> В кирпично-красных, изрытых пещерами слоистых берегах, германской ундиной текла романтическая речка <...> Жители хранят смутную память о недавно утонувшем в речке Коневском. То был юноша, достигший преждевременной зрелости и потому не читаемый русской молодежью; он шумел трудными стихами, как лес шумит под корень. И вот, в Зегевольде <...> я по духу был ближе

к Коневскому, чем если бы я поэтизировал на манер Жуковского и романтиков» [16, с. 19–20].

Очевидны и более поздние «переклички» поэтических размышлений Мандельштама со стихотворными интуициями Коневского. Вот, например, слова Коневского из стихотворения «Соборная дума» (март, 1899):

И как нам отбиться от волка лихого,
Которого тягостный глад
Снедает — от Времени серо-глухого?
Скажи, о бездольный мой брат! [12, с. 188]

И хорошо известна вариация на эту же тему в стихотворении Мандельштама 1931 года:

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.
.....
Уведи меня в ночь, где течет Енисей,
Где сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет [15, III, с. 46–47].

А вот еще одна «тема Коневского» — о «крови», как «строительнице жизни», заданная в стихотворении «Наброски оды» (январь, 1900):

И крови мерное теченье
Приемлет тела, солнца жар,
И в сердце плеск круговращения
Кипит, как в небе звездный шар.
По сердцу, по среде томится
И вместе вне и вдаль стремится
Строительница жизни кровь,
Ей в срок урочный возвращаться,
Чтоб вновь извне обогащаться,
Чтоб ткать живые ткани вновь [12, с. 211].

И реакция Мандельштама на эту, предложенную Коневским тему, в знаменитом стихотворении «Век» (1922):

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?

А.А. Кара-Мурза
Поэт-философ
Иван Ореус-Конев-
ской — культовая
фигура «русского
северянства»
Серебряного века

Кровь-строительница хлещет
 Горлом из земных вещей... [15, II, с. 41].

Новый этап активного «паломничества» к могиле Коневского начался в 1911 году. Тогда, в июле, в десятую годовщину со дня гибели поэта, его могилу в Зегевольде-Сигулде, после нескольких дней поисков, разыскали Валерий Брюсов и его подруга Нина Петровская. Она потом вспоминала: «В одну из наших совместных летних поездок Брюсов предложил мне поехать в Ливонскую Швейцарию (поблизости от Риги на берегу реки Аа), на могилу Коневского. Он не любил ни кладбищ, ни могил, и меня это желание удивило. В жаркий июльский день мы стояли на берегу Аа. Чуть заметные воронки крутились на сверкающей солнцем и лазурью воде. — В одну из них втянуло Коневского, — сказал Брюсов, — вот в такой же июльский день... вот под этим же солнцем...» [21, с. 513].

«Потом мы пошли на кладбище, — продолжает Петровская. — Зеленым шумящим островом встало оно перед нами: низенький плетень, утопающий в травах, ни калитки, ни засова — только подвижная рогатка загораживала вход — и то, верно, не от людей, а от коров... Совсем у плетня скромный черный крест за чугунной оградой — на плите венок из увядающих полевых цветов, а над могилой, сплетаясь пышными шапками, разрастается дуб, клен и вяз. Брюсов нагнулся, положил руку на венок, долго и ласково держал ее так и оторвал несколько травинок от венка. Я знаю, что он очень берег их потом» [21, с. 513–514].

13 июля 1911 года Брюсов написал стихотворение «На могиле Ивана Коневского»:

Я посетил твой прах, забытый и далекий,
 На сельском кладбище, среди простых крестов,
 Где ты, безвестный, спишь, как в жизни, одинокий,
 Любовник тишины и несказанных снов.
 Ты мне сказал: «Я здесь, один, в лесу зеленом,
 Но помню, и сквозь сон, мощь бури, солнца, рек,
 И ветер, надо мной играя тихим кленом,
 Поет мне, что земля — жива, жива вовек! [5, с. 63–64].

Вернувшись в Москву, Брюсов и Петровская сообщили о своей «находке» друзьям. По-видимому, в числе первых сорвался в Зегевольд мой дед, Сергей Кара-Мурза, давний поклонник поэзии Коневского. Через год, в связи с празднованиями 10-летия издательства «Гриф», он напишет в юбилейной заметке в «Московской газете»: «Зегевольд — это прелестное горное местечко, прозванное Ливонской Швейцарией. Покрытый яркой

Северная башня в Сигулде. Современное фото

зеленью лиственного леса, глубокий обрыв навевает помимо красоты своей величественной картины яркие, исторические воспоминания, так как в густом лесу притаены остатки громадных рыцарских крепостей, возведенных ливонским орденом меченосцев <...> На дне этого колоссального обрыва протекает быстрая речка Аа, где и нашел свою погибель Коневской» [11, с. 2].

Особая тема в исследовании поэтических путей русского северянства Серебряного века: «Иван Коневской и Борис Пастернак». Литератор Сергей Бобров, друг юности Пастернака, написал о той атмосфере, в которой Борис создавал свой первый поэтический сборник «Близнец в тучах» (закончен в конце 1913, вышел в свет в начале 1914 года): «Мы вспоминали Блока, Белого, потом бросались читать Баратынского, Языкова. Ужасно любили Коневского (курсив мой. — А.К.), а за него даже и Брюсова...» [3, с. 38].

Бобров добавляет: «Он (Пастернак. — А.К.) уходил со всею страстью в эту единственно-питательную среду: там нашел он плоскогорье, о котором говорил его учитель Иван Коневской, “где, под шорох кедров дремучих, няня рода людского пела”» [4, с. 46].

Речь, разумеется, идет о стихотворении «Обетование», которое Коневской написал зимой 1898 года:

Из туманов и топей мшистых
Мы когда-нибудь да умчимся
За края морей золотистых,

А.А. Кара-Мурза
Поэт-философ
Иван Ореус-Конев-
ской — культовая
фигура «русского
северянства»
Серебряного века

■■■■■■■■■■
ОБРАЗЫ
ЧЕЛОВЕКА
 ■■■■■■■■■■

Где давно уж в мечтах кружимся.

.....
 Обретем ли родник гремучий,
 Где впервые жизнь закипела,
 Где, под шорох кедров дремучий,
 Няня рода людского пела? [12, с. 139].

Как результат, утверждает Бобров, «Анненский, Коневской — создали Пастернака первой книги» [4, с. 47].

Еще более определен в своих оценках Николай Асеев, написавший от имени издательства «Лирика» предисловие к пастернаковскому сборнику «Близнец в тучах»: «Выпуская эту книгу, “Лирика” приветствует ее автора — одного из тех подлинных лириков новой русской поэзии, родоначальником которых был единственный и незабвенный Ив. Коневской» [19, с. 6].

Представляя читателям Пастернака-дебютанта, Асеев прямо пишет, что молодой поэт, несомненно, ведет свою родословную «из той унылой Сариолы» [19, с.5], имея в виду строки из «финского» стихотворения Коневского «Песнь изгнанника. На мотив Калевалы» (июль, 1899):

Из той унылой Сариолы,
 Земли изгнания больной,
 Я вновь пришел в крутые доли,
 Перевалив за кряж лесной [12, с. 195].

Очевидна переключка и более поздних стихотворений Пастернака с «северянской» поэзией Коневского. Сравним, например, пастернаковское «определение поэзии» из философского цикла «Занятие философией» (1919):

Это — щелканье сдавленных льдинок,
 Это ночь, леденящая лист... [20, с. 134]

с философскими размышлениями Коневского из «Вождей жизни» (1896):

Луна — укор, и суд, и увещанье,
 Закатных судорог ледяная дочь.
 Нас цепенит недвижимое молчанье,
 Нас леденит безвыходная ночь [12, с. 186].

Однако ни с Осипом Мандельштамом, ни с Борисом Пастернаком поэтическая линия «русского северянства», начатая поэзией и судьбой Ивана Коневского, не заканчивается. В 1961 году, через год после смерти своего учителя Пастернака (и в 60-ю годовщину трагической гибели Коневского), в Сигулду

Сигулда. Современное фото

А.А. Кара-Мурза
Поэт-философ
Иван Ореус-Конев-
ской — культовая
фигура «русского
северянства»
Серебряного века

отправился 28-летний поэт Андрей Вознесенский. Нет никаких сомнений, что та «осень в Сигулде» была глубоко выношенным планом: уходящий Пастернак, передавая «литературную эстафету» Вознесенскому, разумеется, многократно рассказывал ему о своем поэтическом мэтре, уникальном поэте-философе, утонувшем в 1901 году в Зегевольде/Сигулде.

Вознесенский наверняка искал тогда могилу Коневского. Но найти ее он не мог: именно в тех местах, по высокому берегу речки Гауя, осенью 1944 года прошли жестокие бои. 6 октября войска 3-го Прибалтийского фронта, понеся большие потери, выбили фашистов с «сигулдского плацдарма», а через несколько дней победоносно взяли Ригу.

Между тем остались удивительные стихи молодого Андрея Вознесенского, вот уже шестьдесят без малого лет ставящие в тупик не улавливающих контекста исследователей. «Свисаю с вагонной площадки... Прощайте!» Это, конечно, больше о погибшем поэте Ореусе, чем о самом Вознесенском. Именно Ореус-Коневской, как мы помним, соскочил 8 июля 1901 года в Зегевольде с поезда, чтобы ждать обратный поезд на Ригу, — на свою безвременную гибель...

Именно это — предельно ясно — подтверждают и другие строчки из великолепной «Осени в Сигулде»:

О, родина, попрощаемся,
Буду звезда, ветла,
Не плачу, не попрошайка,
Спасибо, жизнь, что была... [6, с. 109–110].

Литература

1. Аничков Е. Новая русская поэзия. Берлин: изд-во И.П. Ладыжникова, 1923.

- ## The Poet-philosopher Ivan Oreus-Konevskoy — a Cult Figure of “Russian Northernship” of the Silver Age

E-mail: a-kara-murza@yandex.ru

Abstract. The article examines the philosophical and literary tradition of “Russian Northernship”, which goes in Russia from Derzhavin, Vyazemsky, Pushkin. Its key figure at the turn of the XIX–XX centuries was a young Russian poet of Swedish origin Ivan Konevskoy (1877–1901; real name — Ivan Ivanovitch Oreus). The author explores the formation in Russia of the Silver age the real «Cult of Konevskoy» (who tragically died in Zegeveld/Sigulda in July 1901). In its creation the author’s native grandfather — the art critic and memoirist S.G. Kara-Murza (1878–1956) — played a significant role. According to the author of the article, Aleksandr A. Blok and Valeriy Ya. Bryusov were direct literary heirs of Ivan Konevskoy. The poet Konevskoy played a major role in the fate of Osip E. Mandelstam, who lived in 1906 in Zegeveld, repeatedly visited his grave and created a number of poetic and memoir works, which clearly shows the “trace of Konevskoy”. In turn, the poet Boris L. Pasternak was under the great creative influence of Ivan Konevskoy, especially during the period of writing his first poetry collection “Twin in the clouds” (1914). The author of the article hypothesizes that the famous poem of the young Andrei A. Voznesenskiy (the closest pupil and poetic heir of Pasternak) “Autumn in Sigulda” (1961) was written under the direct influence of creativity and reflections on the tragic fate of Ivan Konevskoy.

Keywords: Oreus-Konevskoy, Bryusov, Blok, Mandelstam, Pasternak, Voznesenskiy, Poetry, Philosophy, “Russian Northernship”, Silver Age.

For citation: Kara-Murza A.A. The Poet-philosopher Ivan Oreus-Konevskoy — a Cult Figure of “Russian Northernship” of the Silver Age // *Chelovek*. 2020. Vol. 31, N 3. P. 155–172. DOI: 10.31857/S023620070010040-1.

References

1. Anichkov E. *Novaya russkaya poe`ziya* [The New Russian poetry]. Berlin: Lady`zhnikov, 1923.
2. Blok A.A. Recenziya: L. Miropol`skij. “Ved`ma”, “Lestvicza” [Review: L. Miropolsky. “Witch,” “The Ladder”]. *Zolotoe runo*. 1906. N 1. P. 149–150.
3. Bobrov S. O B.L. *Pasternak* [About B. L. Pasternak]. B.L. Pasternak: Pro et Contra. T. 1. St.Petersburg: izd-vo Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii Publ., 2012. P. 37–43.
4. Bobrov S. *Kaznachej poslednej planety`* [Treasurer of the last planet]. B.L. Pasternak: Pro et Contra. Vol. 1. St.Petersburg: izd-vo Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii Publ., 2012. P. 43–53.
5. Bryusov V. *Sobranie sochinenij: v 7 t.* [Collected works in 7 vols.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. Vol. 2.
6. Voznesenskiy A. *Stikhotvoreniya i poe`my`*: v 2 t. [Verses and poems in 2 vols.]. Vol. 1. St. Petersburg: Pushkinskiy dom Publ., 2015.
7. Kara-Murza A.A. “Rossiya kak ‘Sever’. Metamorfozy natsional’noi identichnosti v XVIII–XIX vv.: G.R. Derzhavin” [Russia as the “North”. Metamorphoses of National Identity in the Late 18th – Early 19th Centuries: G.R. Derzhavin]. *Filosofskie nauki*. 2016. N 11. P. 121–134.
8. Kara-Murza A.A. “Rossiya kak ‘Sever’: problemy` civilizacionnoj identichnosti v filosofii Borisa Pasternaka (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya) [Russia as the

А.А. Кара-Мурза
Поэт-философ
Иван Ореус-Конеv-
ской — культовая
фигура «русского
северянства»
Серебряного века

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА

“North”: problems of civilizational identity in the philosophy of Boris Pasternak (for the 130th anniversary of birth)]. *Filosofskij zhurnal*. 2020. N 2. P. 5–20.

9. Kara-Murza A.A. ““Russkoe severyanstvo” knyazei Vyazemskikh (k voprosu o natsional’noi identichnosti)” [“Russian Northernship of the Princes Vyazemsky (to the Question of National Identity)”. *Voprosy Filosofii*. 2018. N 3. P. 187–194.

10. Kara-Murza S.G. (psevd.: “S. Kry`mskij”). *Neizvestny`j poe`t* [The unknown poet]. *Sem`ya*. 1904. N 6. P. 10–11.

11. Kara-Murza S.G. (psevd.: “Saddukej”). *Dekadenty` pervogo prizy`va* (10-letie “Grifa”) [Decadents of the first draft (10th anniversary of “Grif”)]. *Moskovskaya Gazeta*. 1913. N 245. P. 2.

12. Konevskoj (Oreus) I.I. *Mechty` i dumy`*. Stikhotvoreniya i proza [Dreams and Thoughts. Poems and Prose]. Tomsk: Vodoley Publ., 2000.

13. Konevskoj I. *Stikhi i proza*. Posmertnoe sobranie sochinenij [Poems and Prose. Posthumous collected works]. Moscow: Skorpion Publ., 1904.

14. Makovskij S. *Portrety` sovremennikov* [Portraits of Contemporaries]. Moscow: XXI vek – Soglasie Publ., 2000.

15. Mandel`shtam O. *Sobranie sochinenij: v 4 t.* [Collected works in 4 vols]. Moscow: Art-Biznes-Centr Publ., 1993–1994.

16. Mandel`shtam O. *Shum vremeni* [The noise of Time]. Moscow–Augsburg: Werden–Verlag Publ., 2002.

17. Necheporuk E. «O slovo veshchee, slovo – sila...». O tvorchestve Ivana Konevskogo [“O prophetic word, the word is power...” About the work of Ivan Konevsky]. Konevskoj (Oreus) I.I. *Mechty` i dumy`*. Stikhotvoreniya i proza. Tomsk, 2000. P. 3–26.

18. Oreus I.I. *Ivan Konevskoj. Svedeniya o ego zhizni* [Ivan Konevsky. Information about his life]. Ivan Konevskoj (Oreus). *Mechty` i dumy`*. Stikhotvoreniya i proza. Tomsk, 2000. P. 450–453.

19. Pasternak V.L. *Bliznecz v tuchax*. Predislovie N. Aseeva [A Twin in the clouds. Foreword By. N. Aseev]. Moscow: Lirika Publ., 1914.

20. Pasternak B.L. *Stikhotvoreniya i poe`my`*. 1912–1931 [Verses and Poems. 1912–1931]. Pasternak B. *Sobr. soch.: v 5 t.* Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1989.

21. Petrovskaya N. *Iz «Vospominanij»* [From the Memoirs] // Ivan Konevskoj (Oreus). *Mechty` i dumy`*. Stikhotvoreniya i proza. Tomsk, 2000. P. 512–514.

22. Pushkin A.S. *Poe`my` 1825–1933* [Poems 1825–1933]. Pushkin A.S. *Poln. sobr. soch.: v 17 t.* Vol. 8. Moscow: Voskresen`e Publ., 1994.